Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Позорный столб. Часть 1

Леннарт знал, что попадется в ловушку.
Есть такие местности на границе с Империей Амазонок, где нормальному варвару лучше не прогуливаться по ночам, если он себе не враг, и желал бы сохранить собственное достоинство. Не в том дело, что дикие воительницы склонны, как в годы последней войны, подвешивать пленных врагов на частоколе как говорится "ни за что ни про что, а за хрен и за яйца". Пару лет назад здорово досталось обеим сторонам конфликта, и много сильных варваров вернулись к родимым очагам тихими робкими евнухами, и немало горячих самолюбивых амазонок бросились в море со скалы, утратив в качестве трофея - нет, не одну из своих прелестей, а всего лишь честь женщины и воительницы.
И вот установилось шаткое перемирие, Герцог и Верховная воительница подписали указ по которому подданным запрещалось причинять зло друг другу и посягать на собственность друг друга. Подданные пересказывали друг другу слухи о том, как после торжественного скрепления печатей, Герцог с Воительницей выпили по кружке пива на брудершафт. Амазонки хихикая и шушукаясь рассказывали малоправдоподобную историю, что как раз после соударения кружек, Воительница изловчилась, и заехала как бы невзначай коленкой по причинному месту стоящему напротив Герцогу.
Варвары же предпочитали верить байке, что Герцог на глазах у всей знати умудрился запустить нехилую пятерню свою прямо под железную юбку, украшавшую могущественную повелительницу Империи, и, пока они согласно традиции залпом осушали почти литровые посудины, так успел там под юбкой помять-поработать, что Великая еще минуты три не могла отдышаться, стояла на месте, стиснув коленки и только постанывала - "Ух ты, до чего классное пиво, чтоб мне обоссаться!". А потом стиснула зубы и тут же, расслабившись чуть не заревела.
Понятное дело, байки эти рассказывали только промеж собой. Сболтнуть такое к примеру на ярмарке среди окрестных деревень было бы немыслимо и опасно - там бывают все без различия пола и подданства на сто лиг кругом. А за оскорбления сюзерена в здешних краях можно схлопотать и кое что похуже, чем просто удар ножнами между ног, что, как известно никакому полу не в радость.
А Леннарт вот не утерпел, и рассказал на последней ярмарке анекдот про властительницу. И не потому, что хотел оскорбить ее величество. Просто после пары кружек все того же доброго пива, когда ноги пускаются в пляс, голова гудит, а мочевой пузырь словно дразнит, стопроцентным стояком не давая самому себе ни малейшего шанса опорожниться, он разглядел в ярмарочной толпе девичье лицо, которое видел и раньше. С молодой амазонкой Вейтой он встречался до того не раз. Когда-то они на такой ярмарке плясали в святую Янову ночь, потом началась война, и дважды Леннарт и Вейта сходились на поле боя. Один раз схватка шла на мечах, и Вейта, издевательски улыбаясь, все норовила пнуть Леннарта прямо по набедренной шкуре, только не вышло это у нее, сама заработала плашмя мечом по своим роскошным сиськам, и если бы не налетела конница, могла бы и без сосков остаться.
В другой раз наоборот, Леннарт заприметил знакомую светлую шевелюру во главе отряда шести совсем юных амазонок обороняющих частокол, и - орудуя молотом, направо и налево, очистил дорогу от всех шестерых. Пока те стонали под ногами, побитые, и недоумевающие с

чего у варвара такая прыть, он схлестнулся с самой Вейтой, в нужное время вместо того, чтобы отбивать удар меча обхватил ее за талию и разом перекинул через частокол, чтобы воспользоваться всегдашним правом победителя. Эта сука не сопротивлялась, как ожидал он, вроде даже притихла под обрушившейся на нее массой мужского тела, а потом, когда он уже совсем почувствовал жар ее страсти, внезапно ударила его кулаком, и попала точно. Могла бы и убить, или еще чего хуже сотворить с незадачливым поклонником, но ограничилась тем, что вернула удар плашмя - обидный и позорный.
Так что общий счет побед оставался вроде бы за Вейтой, и потому Леннарт не смог удержаться, когда там, на мирной и спокойной ярмарке зашла речь о подписании договора. Он в красках расписал, как унизил Герцог великую Воительницу, и насколько та на самом деле благодарна была Герцогу, да и все мы должны быть благодарны, потому что таким нехитрым способом Герцог прямо-таки войну без крови выиграл, наглядно показав наглым живущим в частоколах девчонкам, кто в мире главенствует.
Леннарт не мог остановить свои разглагольствования, хотя слышал, как, прихлебывая пиво, внимательно слушает его Вейта, и пара ее подруг, таких же крепко сбитых, ладных, светловолосых, как она, хотя и не таких сисястых. А когда стали расходиться, услышал голос над ухом - тихий, женский, недобрый:
- Ты лучше по степи не ходи...
Дурной бы и то понял. По договору, знаменитому, что бы там при нем не случилось, получалось так, что на охоту в холмы и каменные города не должны заходить девчонки. Любая попытка выследить там оленя или зайца будет расцениваться как личная провокация, автоматически лишающая молодую воительницу заступничества Верховной, а значит и риска военного конфликта. Особых слов о возможном наказании не было записано, но понятно казалось и так - что можно сделать с девчонкой, забредшей в горы на свою погибель. На практике дело оборачивалось сложнее - молодые хулиганки скакали по лощинам целыми отрядами по десять, пятнадцать коней, и чтобы совладать со всеми не хватило бы сил и умения ни у какого патруля.
Варварам же не позволялось травить дичь в степи, потому что степь по договору оказалась неотъемлемой частью и естественной границей империи амазонок. Там они ставили свои лагеря-города, обнесенные частоколами, и там же гоняли оленей, не делая разницы между быком-производителем и стельной оленухой. Все шло у них на вертел, и - в годы войны - там же оказался бы наглый варвар-одиночка, вздумавший подобраться к частоколу, чтобы поглазеть на сценки амазонского быта, занятные хотя бы тем, что у себя дома, загнав по шатрам покорных и тихих мужей, девчонки и женщины вольной степи щеголяли без половины тех шкур, в которые укутывались чтобы чужие голодные мужские глаза не ощупали нежную мякоть их сосков в бою или на ярмарке.
И от этих мыслей уйти в степь хотелось нестерпимо.
Леннарт тысячу раз говорил себе, что играть с огнем опасно, а поворачиваться к амазонке не защитив паха надежным топором просто глупо. Вейта не из тех, кто бросает слова на ветер. И бог его знает, вернется ли он из очередной вылазки в степь, здоровым мужчиной. Девчонка конечно не посмеет по законам военного времени стереть различия между мужчиной и женщиной простым ударом меча или молота. Сейчас перемирие, и ничего хуже позора ему не грозит. Но, зная коварство и жестокость амазонок, Леннарт не сомевался, что и Вейта теперь не успокоится, пока не сведет в общем-то равный счет их боевых встреч до однозначной своей

победы. То, что победа амазонки планируется болезненной и унизительной для его мужского самолюбия, Леннарт тоже не сомневался.
И все-таки попался он глупо.
Гоняясь за косулей он заметил в степи, недалеко, всего локтях в двухстах от линии холмов шатер, в каком амазонки обычно варят свое великолепное темное пиво. Пиво это то немногое, что связывает, если вообще так можно сказать обе, враждующие с незапамятных времен цивилизации. При этом варвары особенно ценят темное пиво амазонок, а те наоборот - светлый эль, сваренный в горах. Именно с обмена этим драгоценным товаром и пошла традиция ярмарок, столь важная, что ради нее начинают и прекращают войны. Недаром бытует пословица, почти одинаковая у тех и у других "Когда пузырь полон, телка - не воин".
Прохладный ветер стекал с холмов, где-то тихо журчал ручей. Леннарт почувствовал, что ему страшно хочется пива. Он понимал, что скорее всего шатер не пуст, а три, или даже четыре вооруженные бабы это много даже для детины вроде самого Леннарта. Но когда он представил, как те, с голыми грудями жгут там в шатре лучину, наслаждаются пивом, и захмелели уже порядком наверное, ноги сами понесли его в степь. Озорная мысль подгоняла его: подползти к шатру, и - если там Вейта или другая шебутная девица, подождать, когда естественные причины вынудят девочку покинуть расписной балаган. А там уж - дело умения. Прижать ей ладонью низ живота - девчонка и пискнуть не успеет, как поймет, что лучше не орать.
А то стисну ведь, еще до драки. И - выйдет девочка из строя на минуту или на две, пока будет сгибаться, комкать набедренную шкуру в междуножье, и прыгать на одной ножке, как маленькая неразумная сыкуха. А то еще и не утерпит. А для воспитанных в строгости и форсе амазонок кажется нет хуже позора, чем обоссаться при мужчине, пусть даже враге, пленнике. Во время войны Герцог даже приказал пленных амазонок на солнце не держать, и к позорному столбу не выставлять, потому что отважные завоевательницы намочив по той или иной причине свои железные юбочки обычно пытались покончить с собой от стыда, а некоторые - небывалое дело - боясь вернуться на родину, оставались у варваров, становясь тихими покорными женами.